

ИНТЕРНЕТ И ГОРОДА РОССИИ

Под редакцией
Полины Колозариди
Ольги Довбыш

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ
МОСКВА · 2024

УДК 004.738.5+316.774
ББК 16.263+60.524.224.56
И73

<https://elibrary.ru/iujjyy>

Рецензенты:

С.С. Бодрунова — *д.полит.н., профессор Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета;*

Т.Н. Журавская — *к.соц.н., доцент Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, ст. науч. сотр. Института экономических исследований ДВО РАН;*

А.А. Фокин — *к.ист.н., доцент Школы исследований окружающей среды и общества Тюменского государственного университета*

Авторы:

Ольга Довбыш (*введение, гл. 2, 4*); Александра Кейдия (*введение, гл. 6*);

Полина Колозарида (*введение, гл. 1, 2, 6*); Дмитрий Муравьев (*введение, гл. 1, 6*);

Аня Щетвина (*введение, гл. 5*); Леонид Юлдашев (*введение, гл. 1, 2*)

Интернет и города России [Текст]: коллект. моногр. / под ред. Полины Колозарида, Ольги Довбыш; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. — 600 экз. — 199, [1] с. — ISBN 978-5-7598-2669-9 (в обл.). — ISBN 978-5-7598-4044-2 (e-book).

Написанная с целью критического осмысления интернета как одновременно технологии и социокультурного пространства, эта книга рассказывает об истории развития интернета в российских городах. Авторы, побывавшие в исследовательских экспедициях в нескольких крупных и малых городах, обсуждают значение интернета для локальной культуры, бизнеса, управления, анализируют изменения локальных медиа в цифровой среде и роль интернета для поддержания местной истории и идентичности. Также в книге представлен метод качественного полевого изучения многосоставного феномена локального интернета, предложены методологические подходы и приемы, которые могут быть использованы в будущих исследованиях.

Книга будет интересна как научным сотрудникам и студентам, так и широкой аудитории, интересующейся проблемами цифровизации и интернетизации жизни и связанными с этими процессами изменениями.

УДК 004.738.5+316.774
ББК 16.263+60.524.224.56

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<http://id.hse.ru>

doi: 10.17323/978-5-7598-2669-9

ISBN 978-5-7598-2669-9 (в обл.)

ISBN 978-5-7598-4044-2 (e-book)

© Авторы, 2024

Оглавление

Вместо предисловия: от рецензента	4
Введение	9
Благодарности и исследовательские сюжеты, не вошедшие в книгу	21
ГЛАВА 1	
Интернет-исследования как основа для изучения интернета в городах России <i>Полина Колозариди, Дмитрий Муравьев, Леонид Юлдашев</i>	26
ГЛАВА 2	
Как спроектировать полевое исследование по изучению интернета в российских регионах <i>Ольга Довбыш, Полина Колозариди, Леонид Юлдашев</i>	45
ГЛАВА 3	
История интернета как инфраструктуры <i>Леонид Юлдашев</i>	72
ГЛАВА 4	
«Не было места, чтобы читать о городе»: трансформация локальных медиа и локальности в цифровой среде <i>Ольга Довбыш</i>	105
ГЛАВА 5	
Цифровая история российских регионов исчезает <i>Аня Щетвина</i>	142
ГЛАВА 6	
Управление интернетом в городах России <i>Полина Колозариди, Александра Кейдия, Дмитрий Муравьев</i>	162
Заключение	190
Об авторах	197

Вместо предисловия: от рецензента

Перед вами книга российских исследователей об интернете — и о самих себе. У вас в руках книга-изнанка, которая погрузит доброжелательного читателя в мир интернет-исследований — а точнее, в методы работы и результаты дискуссий группы исследователей, объединяющей московский клуб любителей интернета и общества¹ и Высшую школу экономики. Эта группа во многом заложила в российские интернет-исследования особый взгляд на интернет как предмет «веселой науки» (в лихачевском смысле) — науки без ригидных границ, науки как пространства постоянного, незастывающего, даже нарочитого переосмысления. И сама эта группа подвержена тем же законам: дискуссия, изложенная на страницах книги, не ограничивается умами авторов, поскольку текст — результат не только внутренних обсуждений, но и многих встреч с коллегами, экспедиций в расширенном составе, конференций в ВШЭ, клубе и за их пределами, полемических постов в «Фейсбуке»^{*2} и «Телеграме», выбранных мест переписки с друзьями и ночных бдений над собранными данными.

Особенность книги — облегченный язык и повествование «от первого исследовательского лица», иногда субъективное — и тем самым декларирующее отказ от неперменной объективности,

¹ клуб здесь и далее пишется со строчной буквы, это не опечатка, а намеренный вариант написания, символизирующий горизонтальную и не иерархичную структуру клуба.

² Здесь и далее в книге сеть «Фейсбук» маркирована звездочкой. Деятельность социальной сети признана экстремистской и запрещена на территории РФ, данные используются в исследовательских целях и не направлены на одобрение экстремистской деятельности.

которая не всегда недостижима и порой является конструктом на основе отживших научных конвенций. Скорее, авторы стремятся указать на то, что позиция исследователя — неотъемлемая часть исследования, отрефлексированная и оттого настолько же ценная, насколько и представляемый результат. Парадигмальный характер постоянной рефлексии об исследовательской линзе резко выделяет эту книгу — и даже противопоставляет скучному ряду высокобюджетных штудий, притворяющихся объективными.

Другая важная черта книги — погруженность в теоретический и методологический контекст самых современных исследований интернета, медиа, современной социальности. Нужно отдать должное авторам: это едва ли не первое издание на русском языке в области интернет-исследований, в котором равновелики теория (точнее, многоликие концептуализации интернет-реалий) и методология, понятие дискурсивно, переплетенные и постоянно адаптируемые под задачи исследований российского интернета.

Еще одно важное достоинство книги кажется мне одновременно ее недостатком. Как ни странно, большинство интернет-исследований сегодня, на мой взгляд, имеют своим объектом совсем не интернет, а явления, происходящие в нем как в особом пространстве, как в заданном условии, если хотите. Авторы настаивают, что интернет-исследования — это изучение интернета во всем его многообразии, в том числе многообразии человеческих практик в нем, и это задает объект исследования, которому верны они сами. Следует сказать спасибо авторам за то, что они так настойчиво придерживаются этой линии в первых главах. Но мне как исследователю медиа, социологу, политологу, коммуникативисту в этой книге не хватило видения интернета как контекста — не только рамки, места, пространства для развития объектов и явлений, изучающихся в других науках, но и точки пересечения офлайновой истории, политики, психологии с индивидуальными траекториями, чертами, интересами и эмоциями людей, а также платформенными характеристиками (platform affordances), и при этом пересечения такого, которое задает условия для развития феноменов, подобных оффлайновым. Интернет как объект изучения, поставленный во главу угла в этой книге, кажется мне

важным фокусом интернет-исследований — но они сами намного, намного больше, чем изучение самого интернета. И этим интернет-исследования отличаются даже от «постдисциплинарных» областей вроде *gender studies* или *urban studies*, где пол или город — объект исследования, а методы могут быть разными. В случае интернет-исследований все еще сложнее: интернет как объект исследования в связке с окружающей реальностью — только часть интернет-исследований, и не самая большая.

Почему так? Потому что социология интернета не равна интернет-социологии. Социология пользователей устроена иначе, чем классическая социология: она соглашается с наличием сильных искажений в выборках ради права пользоваться большими данными, т.е. использует не выборку из генеральной совокупности, а все, что есть (а есть неправильное, искаженное, недо- или перепредставленное, зато большое и поддающееся быстрому изучению). Это методологически и «выборково» другая область, и она ближе к интернет-исследованиям, чем к социологии, хотя вопросы ставит социологические по смыслу. То же — с политологией, коммуникативистикой, психологией и прочими логиями, которые фундаментально меняются, работая с данными из интернета и учитывая их онлайн-природу. И эту большую зону нельзя удалять из интернет-исследований — потому что ей больше некуда идти. Поэтому, например, видеть в изучении буллинга в сети только практику использования интернета — не совсем точно, поскольку объект исследования другой — не интернет, а буллинг, его природа и то, как она меняется в сети, в условном интернет-зазеркалье со своими законами распространения информации, общения, хранения высказываний и репрезентации себя. Интернет-исследования изучают нашу жизнь в другом мире и не ограничиваются его изучением. Иначе говоря — не является ли «изучение интернета» иллюзией, которая при приближении распадается на изучение поведения, инфраструктуры, технологий, психики, медиапотребления? Думаю, такая проблематизация не должна сбить авторов книги с их позиции, но и не должна оставаться необсужденной — что приведет, будем надеяться, к продолжению этой работы.

Главы книги в равной мере, но по-разному полезны. Глава 2 о методологии и опыте полевых исследований важна как описание примера успешного, хоть и небеспроблемного столкновения с полем, которое, с одной стороны, очень живо и динамично, а с другой — до некоторой степени уже не существует, фрагментарно и искаженно живет только в личной и публичной памяти. Здесь показано в том числе, как настороженно воспринимаются сегодня попытки изучить недавнее прошлое и настоящее глобальной сети в ее городском измерении. Глава 3 об истории (интер)нетов в мире и России (именно так!) заставляет задаться вопросом: «а зачем нам это знать?» — и в то же время внушает щемящее чувство возвращения в интернетную юность, когда интернет еще мог быть романтичным пристанищем энтузиазма, свободы, равенства и безопасности. Глава 4 о локальных и гиперлокальных медиа расширяет представление о медиапространствах российских регионов и суммирует то, что мы все знаем интуитивно: монополия на локальность давно потеряна традиционными СМИ, и сегодня городские аккаунты в соцсетях — это не только стихийно сложившиеся медиа, но и репрезентация городских сообществ как таковая. Медиа, которые стерли границу между аудиторией и редакцией, между обществом и его зеркалом, и то, какие функции сегодня они выполняют для людей, еще предстоит оценить и изучить. Глава 5 об истории веба — самая неожиданная, потому что в ее основании лежит мысль о хрупкости интернета, настоящая любовь к ежедневно исчезающей/сохраняющейся истории/реальности. Глава 6 об управлении интернетом дает обзор теорий и управленческих стратегий и показывает, что с ними случается на уровне региональной практики. Все вместе главы расширяют нашу оптику, привыкшую принимать интернет как набор известных и порой поднадоевших порталов, когда «велика сеть, а пойти некуда», как говорят в «Фейсбуке»*. Книга пересобирает интернет на уровне города, представляя его намного больше социокультурным и физически-пространственным, чем на уровне отдельного человека или всей сети, каким он воспринимается ежедневно.

Хотя авторы явно стремились сделать книгу доступной для неподготовленного читателя, изредка они все же используют понятия

и аналогии, хорошо известные гуманитарным исследователям, но не широкой публике. Впрочем, «Гугл» нам в помощь — сегодня там, как и в его конкуренте «Яндексе», найдется все, было бы желание.

Я искренне рекомендую эту книгу к прочтению — еще и потому, что ее текст очень похож на увлеченную беседу, что в наше время стало отдельной ценностью. И вооружитесь ручкой: желание почеркнуть на полях я вам гарантирую, потому что разговор, начавшийся в (со)обществе с размытыми границами, останавливаться не может — и не должен.

Светлана Бодрунова

Введение

Эта книга началась с исследования, а исследование — с интереса к разнообразию. Леонид Юлдашев интересовался городами и тем, как люди объединяются и делают что-то вместе. Полина Колозариди интересовалась интернетом: как люди его понимают и осваивают. Но интересоваться разнообразием и изучать его — это разные вещи.

Читатели этой книги тоже наверняка знают, что интернет — явление сложное, а города в России разные. И возможно, интересуются, чем отличается какой-то город от других: архитектурой, образом и темпом жизни. Познакомиться с этим разнообразием можно в интернете, заодно обнаруживая городские сайты и аккаунты в социальных сетях, читая посты жителей. При этом едва ли кому-то придет в голову, что интернет сам по себе в этих городах — особенный. Ведь интернет привычно считать чем-то глобальным. В России и мире много сервисов, которыми пользуется большинство: это крупные платформы и социальные медиа вроде «Фейсбука»*, «ВКонтакте» или «Яндекса», банковские приложения, чаты. Почему вообще что-то может отличаться по городам? И даже если так, зачем затевать исследование? Ведь можно просто интересоваться разнообразием.

Если бы соавторы этой книги не встретились и не превратили интерес в исследование, мы никогда бы этого не узнали. Но мы стали разбираться, как устроено разнообразие интернета в городах — вместе.

Оказалось, что понять интернет как явление можно, осознав его локальность, фрагментарность, связь с конкретными организациями, технологиями, практиками. Сама по себе декларация сложности или многообразия скорее отвлекает. А суть в том, что интернет не принесен Прометеем как дар технического прогресса, а был проведен в города, чтобы создавать образовательные про-

граммы, просвещать людей и развивать бизнес. Структура сетей была связана с этими смыслами. И с тем, какие отношения были и есть в управлении городом, у местных медиа и между людьми. Конечно, появление сетей влияло, в свою очередь, на эти отношения, и к моменту выхода книги эта история насчитывает десятилетия.

Но книга не только и не столько об истории. Ведь изменения продолжают — в связи с развитием цифровых технологий, новыми способами общаться и работать с информацией — и происходят не в абстрактном мире, а в реальности коммерческих организаций, повседневной рутины, локальных управленческих решений и непростых сделок. И заодно меняются сами эти решения, организации и рутина. Перемены происходят локально, порой суетливо и не так, как хотелось бы. В целом их масштаб огромен. Но все большие изменения происходят где-то на местах. Или не происходят. Часто они наследуют прежним способам устраивать жизнь или объясняются простыми жизненными обстоятельствами.

А как именно происходит наследование в случае с интернетом и что на что влияет? Тут уже простого любопытства недостаточно. Углубившись в вопрос о больших переменных и глобальном разнообразии в локальном интернете, не обойтись без исследований. Мы написали эту книгу, чтобы словосочетание «интернет в городе N» стало конкретным. В книге рассматриваются разные составляющие интернета и связанные с ними явления на материалах экспедиций в города России. Мы демонстрируем, как работают разные теории на близких друг к другу объектах, объединенных полевой работой.

Времена, когда об интернете можно было написать людям из разных исследовательских полей коллективно, если когда-то и были, то закончились. Эта книга написана исследователями и исследовательницами интернета, медиа, инфраструктур, политических процессов, культурологами. В многообразии текстов можно разглядеть множество исследовательских оптик и подходов к изучению интернета. Тексты образуют коллаж, а границы между разными главами отчасти стерты взаимными правками и двумя годами обсуждений. Мы надеемся, что общий опыт написания сообщает книге целостность. В течение двух лет работы над книгой мы последовательно читали, обсуждали и редактировали тексты друг

друга. Но во введении и заключении мы рассказываем об интернете каждый по-своему.

Это введение можно читать как манифест о том, как именно из разных взглядов возникает большое общее исследовательское дело. Наш подход — не сглаживать, а показывать и осмыслять разнообразие методов и теорий. Поэтому введение состоит из отдельных реплик — в них можно прочесть о тех, кто написал книгу, познакомиться с их ритмом и слогом.

Кто написал эту книгу?

Александра Кейдия:

Я социолог. В этой книге вы прочтете нашу совместную главу с Полиной Колозариди и Дмитрием Муравьевым про управление интернетом. Мой интерес к этому полю возник случайно, во время одной из экспедиций клуба любителей интернета и общества: я вместе с коллегами брала интервью у чиновников, в сферу деятельности которых входил интернет. Беседа получилась настолько насыщенной, а собеседники были такими рефлекслирующими, что во мне это посеяло интерес к исследованию всякого рода государственного участия.

Леонид Юлдашев:

Я один из координаторов клуба любителей интернета и общества, занимаюсь историей интернета как инфраструктуры. Это мой главный исследовательский интерес, и, несмотря на то, что я занимался еще несколькими темами (историей космического интернета, фигурой пользователя), я всегда возвращался к нему. Мне представляется, что исследования инфраструктуры помогают узнать, как именно и почему некоторое явление (интернет, спутниковая навигация, даже повседневное электричество) появилось и распространилось и почему оно именно такое, каким мы его знаем.

Ольга Довбыш:

Региональные, локальные, гиперлокальные и другие малые формы медиа (городские, медиа сообществ и т.д.) — мой давний и непро-

ходящий исследовательский интерес. Несмотря на отступления в другие темы, связанные с медиапроцессами, считаю наиболее ценной свою экспертизу именно в теме локальных медиа. Моя кандидатская диссертация в НИУ ВШЭ была посвящена контрактам на информационное обслуживание, которые региональные органы власти заключают с местными СМИ и которые работают как инструмент контроля над редакциями и локальной повесткой. С тех пор исследую разные формы локальных медиа и с интересом и воодушевлением наблюдаю за их развитием в российских регионах.

Дмитрий Муравьев:

По основному образованию я политолог, но ближе к концу обучения у меня открылся особый интерес к медиа, технологиям и интернету. Я до сих пор не могу себя дисциплинарно идентифицировать, но и отделяться словом «междисциплинарность» не хочется — в общем, все сложно. В книге я участвую в главах по теории и интернет-управлению в России. Когда я только узнал о существовании исследований в области управления и регулирования интернета, меня это очень захватило, и я стал читать статьи в журналах вроде *Internet Policy Review*, *Policy & Internet*. Захотелось понять что-то про Россию, а о ней написано мало, мы до сих пор не очень понимаем, как менялось регулирование интернета и управление интернетом в России, какие смыслы эти изменения несли для разных групп, какими дискурсами сопровождались, какие практики были значимы для осуществления этих трансформаций, — на многие вопросы просто нет ответа.

Аня Щетвина:

В 2017 г. я присоединилась к экспедициям клуба любителей интернета и общества и НИУ ВШЭ. Сначала как студентка и помощница в работе над существующими темами, а с третьей поездки клуба — в Казань — как участница со своей исследовательской повесткой. Мы много работали с веб-архивами, но делали это интуитивно и в основном используя их как источники для отдельных тем — истории локальных сетей, СМИ, отношений интернета и локальных чиновников. Постепенно стало понятно, что ранний веб сам

по себе может быть объектом интереса — как особый артефакт и предметная память о цифровой культуре 1990-х и 2000-х. Так я стала заниматься темой памяти о раннем интернете — как личной (в нарративах первых пользователей), так и институционализированной (в исследованиях, архивах, музеях).

Полина Колозариди:

Я интернет-исследователь в сложной ситуации. Я составляю этот коллаж введения (и заключения). Кроме того, как соучастница я оказалась в числе авторов трех текстов в этой книге. Связано это отчасти с тем, что я давно нахожусь в близких отношениях с интернетом и нахожу его везде, где только можно — как предмет осмысления и важную часть жизни. Я писала о нем научные работы, делала выставку, пишу публицистические статьи. Но больше всего мне нравится вместе с людьми узнавать что-то важное и делиться собственным незнанием, которое превращается в удивление, метод работы с ним и знание. Или новое, но уже другое незнание. Поэтому я преподаю в НИУ ВШЭ, ТГУ, ИТМО, работаю с библиотекой Шанинки. И конечно, соорганизую клуб любителей интернета и общества, в котором всерьез происходит эта работа со знанием и незнанием и есть общий интерес, которому мы посвящаем свободное время.

О чем каждая глава?

Александра Кейдия [управление интернетом]:

Наше исследование не ограничивается государственным регулированием, поскольку интернет-управление — это нечто большее. Этот важный тезис на уровне города или региона начинает понемногу стираться, ускользать. Какое управление интернетом может быть в городе, если все указания спускаются из Москвы, все централизовано? Но нет, каждый рассматриваемый нами кейс демонстрирует разные сборки акторов, которые могут принимать участие в управлении, их различные стратегии участия и координации.

Мы пытаемся аналитически осмыслить эмпирические находки, сделанные во время экспедиций, т.е. концентрированные полевые

материалы. Собранные и представленные в главе данные могут быть полезны для будущих исследований интернет-управления в России: их можно использовать, чтобы формулировать вопросы и исследовательские предположения, сравнивать со своими данными и формировать на основании этих сравнений повторяющиеся паттерны или различия.

Леонид Юлдашев [история интернета как инфраструктуры]: Интернет привлекает внимание многих исследователей, и объяснения происходящему с ним и в нем даются самые противоречивые. В дело идут культура, политика, различные большие и внешние по отношению к интернету силы. Обычно это происходит так: есть субъект и его практики пользования интернетом. Есть культура или политика. Культура влияет на субъект и его практики, и субъект начинает действовать каким-то определенным, сообразным культуре или политике образом. Однако если мы просто посмотрим, как так вышло, что интернет получился таким, каким получился (и это ключевой вопрос инфраструктурных исследований!), мы увидим траекторию появления и эволюции инфраструктуры, и это позволит нам объяснить разнообразие пользовательских практик, сайтов и проч. Мы живем внутри инфраструктур, они стали второй природой, и нет нужды обращаться к внешним силам. Инфраструктура, закрытая социотехническая система, препятствует одним действиям и позволяет осуществлять другие, тем самым создавая способы думать о мире.

Предлагаю рассматривать интернет как инфраструктуру. Мне представляется, что объяснение через историю социотехнических систем более твердое, строгое и внутренне связанное, чем многие другие, присутствующие сегодня в области исследований интернета и его истории. И хотя исследователи истории интернета знают о существовании инфраструктурного подхода, он редко используется. Как мне кажется, незаслуженно редко.

Я отношусь к главе в книге как к возможности представить читателям свои полевые заметки — сюжеты и идеи, собранные во время экспедиций. Такое представление — это отдельная сложная и увлекательная задача. Как совместить целеустремленность и извест-

ную строгость академического взгляда и рассказ о разрозненных соображениях? Как сделать частные заметки отдельного человека полезными для размышлений о теме в целом? Да, хотел бы предупредить читателя: все-таки моя глава — не вполне готовое объяснение, потому что его нельзя составить по имеющимся полевым материалам, а набор сюжетов, с которыми можно работать дальше.

Ольга Довбыш [исследования локальных медиа]:

Исследование, представленное в главе 4, посвященное трансформации локальных медиа и локальности в цифровой среде, позволило мне пристальнее взглянуть на гиперлокальные медиа — низовые и (полу)профессиональные медиаинициативы, которые создают местные жители в социальных сетях. Благодаря материалам экспедиций, я смогла увидеть и оценить значение этих медиа в местной коммуникации.

В академических и профессиональных дискуссиях о локальных медиа в России таким проектам отводится второстепенное значение по сравнению с профессиональными СМИ. Мои данные и исследование показывают, что это не так — с точки зрения видимости и влияния на местное информационное пространство. В главе 4 я изучаю, как устроена локальная медиатизированная коммуникация в российских городах сейчас, как новые цифровые медиапроекты становятся больше, чем источником местных новостей, здесь люди получают возможность понимать и принимать свой город, свое место в нем через коммуникацию, общение в медиа.

Привлекая внимание к менее видимым участникам процесса создания и распространения местной информации, изучаю, как меняются понятие профессионализма локального журналиста/медиапрактика, понятие локальной новости и информационного повода, практик и ценностей в работе местного медиа. Рассматривая эти изменения в цифровой среде, я задаюсь вопросом, как меняется понятие локальности, принадлежности к месту и пространству, как происходит пересборка места и пространства и какова роль медиа в этих процессах.

[методология исследования] Глава про методологию качественного полевого исследования интернета важная и правдивая. Дизайн

наших экспедиций выстраивался путем проб и ошибок. Мы честно рассказываем об этом, чтобы помочь тем, кто будет проводить подобные или другие качественные полевые исследования в российских регионах. Мы хотим, чтобы таких исследований было больше.

Дмитрий Муравьев [управление интернетом]:

С коллегами из клуба мы с разных сторон подходили к теме управления интернетом и ранее. Особую сложность, пожалуй, вызвал у нас тот факт, что регулирование и управление интернетом в российском контексте отличаются от более изученного западного, что определяет весь исследовательский дизайн. Некоторые работы, упомянутые в главе, безусловно, помогают — но тем, кто захочет нырнуть в эту тему в будущем, придется переосмыслить сложившиеся исследовательские рамки и подходы.

Аня Щетвина [история веба]:

Моя глава «Цифровая история российских регионов исчезает» находится на пересечении двух исследований, которые я проводила. Первое — теоретическое, посвященное устройствам архивов и предметам беспокойства (*matters of concern*), которые лежат в их основе. Второе — эмпирическое и разведывательное; мы вместе с моим коллегой Егором Ефремовым делали мэппинг интересных для культурологического исследования тем, связанных с ранним вебом в различных регионах России. В своей главе изначально я хотела рассказать об эмпирических находках и о том, как они могут заставить нас по-другому смотреть на некоторые устоявшиеся в исследованиях веба концепты. Но на половине пути я поняла, что это неправильно: невозможно говорить про абстрактные вещи и полемизировать с международными коллегами, когда архивы российского раннего веба фактически лежат в руинах и никто о них не заботится. Поэтому я попыталась рассказать простыми словами, для широкого круга читателей, о том, почему интернет хрупкий, что такое веб-архивы и как с их помощью можно сохранять историю интернета на уровне локальных инициатив.

Глава рассчитана в первую очередь на исследователей, кураторов, музейных работников и других людей, не близко знакомых с иссле-

дованиями истории веба или веб-архивами в целом. Ее цель — дать общее описание поля истории веба и работы веб-архивов, стать точкой входа в тему. Но даже если вы ориентируетесь в тематике, посмотрите врезки и финальную часть. Одна из врезок — это небольшой кусочек моей работы о том, как историки веба собирают его раннюю историю из разных частей, какие элементы его составляют. Другая — список существующих архивов. Существуют архивы-гиганты, известные многим (как, например, Internet Archive), и менее заметные интересные проекты; есть много бережно собранных маленьких историй из регионов, о которых вы вряд ли прочтете где-то еще. В конце я пытаюсь применить опыт других веб-архивов к российской действительности. Если хочется сохранять веб-сайты, как организовать такое предприятие без большого бюджета, что сохранять, с какими институтами сотрудничать? В этой части я привожу кейсы локальных и тематических инициатив из разных стран, которые, как мне кажется, могут удачно подойти в качестве стратегий-референсов для архивации российской цифровой истории.

Полина Колозариди [управление интернетом]:

Мне осталось написать пару слов о главе, в которой идет речь о концептуальных основаниях нашего интеллектуального предприятия. Они касаются моей любимой темы — интернет-исследований. Это, с одной стороны, противоречивая область, слабо институционализированная, говорящая практически на языке здравого смысла вместо специфической терминологии и вмещающая в себя что угодно. С другой стороны, она не лишена внутренней строгости и подходит к интернету не как к абстрактной технической сущности, которая приносит новизну во все сферы, где интернет появляется. В общем тексте мы постарались показать то, как устроено поле internet studies вообще, а потом — почему и как возможна работа с ним на уровне отдельных локальностей.

Мне кажется важным, что от констатации интернета как «не только глобального» или просто разнообразного мы перешли к работе с разными его элементами и масштабами. Это стало возможным благодаря нашим экспедициям и аналитической рабо-

те, что и описано в главе про метод. Глава о государстве полна (перефразированных, чтобы никто не узнал информантов) цитат из разговоров с городскими чиновниками и предпринимателями. Она — о поиске абстрактных стейкхолдеров и нахождении живой и конкретной политики.

Как мы работали?

Дмитрий Муравьев [управление интернетом]:

Эта книга стала результатом, не побоюсь этого слова, многолетнего труда. Фоном непосредственной работы над книгой, когда мы интенсивно читали и комментировали черновики своих текстов, проводили обсуждения и дата-сессии, служили обсуждения других наших исследований прошлых лет. Так что авторство книги намного более распределенное, чем указано в оглавлении.

Александра Кейдия [управление интернетом]:

Отличный опыт коллективного письма с взаимным уважением и вежливым рецензированием.

Леонид Юлдашев [история интернета как инфраструктуры]:

Это была коллективность мультидисциплинарной работы — представитель исследований медиа читает текст об исследовании веба и комментирует, оставаясь на своей колокольне и примериваясь к соседней. Поэтому, кстати, обсуждения были сравнительно короткие.

Ольга Довбыш:

Думаю, работа над этой книгой — ценный опыт и работающий методологический прием, который стоит рекомендовать другим авторским коллективам, особенно междисциплинарным.

Что такое интернет?

Александра Кейдия [управление интернетом]:

У нас было много попыток подступиться к определению, что такое управление интернетом и регулирование интернета в России. Мы

опирались на разные теоретические рамки, но в итоге в главе про интернет-управление отошли от теоретического осмысления — в первую очередь каждый рассказывает о своем поле.

Леонид Юлдашев [история интернета как инфраструктуры]:

Для меня интернет — стартовая точка, слово из повседневного языка, нуждающееся в исследовательском определении — концептуализации, операционализации и т.д. В своей главе я говорю об инфраструктуре интернета, это: 1) провайдеры, их организационные и технологические решения; 2) физические артефакты; 3) законодательство, регулирующее работу провайдеров; 4) природные ресурсы (например, ветер и ультрафиолет от солнца); 5) создатели сайтов, их решения; 6) цифровые артефакты; 7) пользователи, их группы и действия групп. Сообразно с этим я выстраиваю свой анализ и описание истории интернета. Замечу, что не обо всем мне удалось написать — так, о природных ресурсах и о законодательстве материалов пока очень мало.

Ольга Довбыш [исследования локальных медиа]:

Интернет в моем исследовании, которое опирается на литературу и концепции медиаисследований (media studies), это и технология, и пространство, меняющие как процесс создания и распространения информации, так и сам процесс массовой коммуникации. То есть, с одной стороны, я смотрю, как интернет влияет на медиа на уровне организации — как процессы создания и распространения медиатизированной информации меняются (или не меняются), как участники этих процессов (журналисты, редакторы и т.д.) понимают и воспринимают эти изменения, как меняется конфигурация медиаландшафта под влиянием цифровизации. С другой стороны, я рассматриваю интернет и, в частности, платформы социальных медиа как пространство, в котором происходит коммуникация. Такая коммуникация становится не однонаправленной, а двунаправленной и даже мультинаправленной, аудитория получает больше влияния в коммуникационном процессе. Добавляется агентность платформ, которые тоже влияют на то, как такая коммуникация происходит.

Вместе с тем я изучаю те же функции медиа, что и в «доинтернетное» время, — информирование, репрезентация различных групп обществ, предоставление пространства для общественных обсуждений, осуществление контроля и общественной подотчетности властей. В этом смысле интернет является как бы новой реальностью, в которой все эти функции каким-то образом преломляются и пересобираются, но для медиа все они по-прежнему важны.

Аня Щетвина [история веба]:

Хотя слова «интернет» и «веб» часто употребляют как синонимы, с технической стороны и в исторических исследованиях это разные вещи. То есть можно сказать, что веб — кусочек интернета. Или даже определенный ракурс, определенная оптика, позволяющая рассмотреть разные вещи, которые обычно ассоциируют с интернетом: сайты, цифровые сервисы, кукиз, софт типа веб-браузеров и т.д. Интернет — больше, чем веб. Но про историков раннего веба можно сказать, что они изучают историю интернета. А про веб-архивистов — что они сохраняют интернет как цифровое наследие.

Дмитрий Муравьев [теоретическая глава]:

В теоретической главе обсуждается ряд проблем, связанных с интернетом как предметом исследования, составленным из кусочков разных дисциплин, исследовательских полей, методов, эпистемологий и т.д. Лично я до сих пор не уверен, можно ли говорить об интернете как о предмете исследования целостно, без всей этой сложности. Если и можно — то я не уверен, получится ли сказать что-то внятное. Поэтому я решил, что стою на позициях интернет-агностицизма: интернет как нечто целостное является непознаваемым, а вопрос о его существовании подвешен. Кажется, если интернет где-то бесппроблемно существует и познаваем, то не в интернет-исследованиях. Тем не менее его можно разложить на кусочки и начать потихоньку собирать. Правда, пазл этот очень сложный — он валится из рук, по нему ходит кошка, и, возможно, пару лет назад ты потерял очень важную его часть (или ее просто забыли положить в твой набор).

Благодарности и исследовательские сюжеты, не вошедшие в книгу

Эта книга — результат труда многих и разных людей. Наш труд состоялся и стал текстом благодаря тому, что мы ездили в экспедиции, обсуждали наши поездки с горожанами и с другими исследователями. Мы получали вопросы, поддержку, выслушивали замечания и реагировали на удивление. В экспедициях мы всегда работали большими группами. В этом разделе мы расскажем не только о тех, с кем сотрудничали, но и о сюжетах, не вошедших в книгу. Возможно, кто-то решит продолжить начатое нами и вдохновится сюжетным многообразием экспедиций и обсуждений.

В первую очередь, наше исследование и книга не состоялись бы без тех людей, с кем мы говорили в поездках, — в академической традиции их принято называть информантами. Эти люди уделяли нам время и внимание — кто-то с радостью, кто-то с удивлением, кто-то с подозрением, делились своими воспоминаниями и мыслями. За время экспедиций мы поговорили более чем с 23 информантами — почти 350 часов записей. Мы выражаем благодарность всем, кто согласился принять участие в нашем исследовании и поделился знаниями и информацией. К сожалению, формат книги не позволяет упомянуть всех (о многих мы писали в блогах экспедиций).

Ольга Довбыш выражает благодарность журналистам, редакторам и создателям местных газет, телеканалов и сайтов, создателям и модераторам пабликов и групп в социальных медиа и каналов в мессенджерах.

Наше исследование начиналось с обсуждений. Нас собралось 17 человек; долго говорили о том, как можно изучать интернет в городах, даже подали по этой теме заявку на грант, но не полу-

чили его³. В обсуждениях участвовали антропологи города Михаил Алексеевский и Дарья Радченко, социологи Григорий Юдин, Варвара Кобыща, Константин Габов и Алексей Титков, социологи, работающие с темой технологий, — Роман Абрамов, Константин Глазков, Лилия Земнухова, Ольга Логунова, антропологи Елена Соколова и Алевтина Бородулина, медиаисследователь Варвара Претер (Чумакова). Перечисление сюжетов, которые могли бы стать центром исследования, заняло бы целую страницу. Мы говорили о возможностях изучения малого местного бизнеса на онлайн-площадках, о новых формах различий между группами горожан, возникающих при участии интернета и медиа, об отказе от интернета, изменениях в частной жизни разных групп, в практиках медиапотребления горожан и т.д.

Мы обсуждали это исследование с профессором антропологии Дэниелом Миллером (University College London), организатором исследования Why We Post (подробно об этом исследовании будет рассказано в главе 2). Дэниел Миллер приезжал в Россию, мы подружились, перевели онлайн-курс, основанный на исследовании, и много говорили о том, как изучить то, что происходит в разных городах и регионах России. Хотя наш интерес к многообразию интернета как такового оказался не очень похож на Why We Post, тем интереснее было осознать, что общего у наших подходов. Во многом именно благодаря примеру Дэниела и его коллег мы поняли: нужно ехать в экспедиции. И мы поехали.

В Воронеже, Казани, Тюмени и Переславле-Залесском с нами работала Оксана Дорощева, написавшая замечательные работы о родительских форумах и позже продолжившая заниматься этой темой. Если бы не социологическая эрудиция и рефлексия полевых материалов Оксаны, некоторых сюжетов в этой книге не было бы.

В Воронежскую экспедицию ездили Варвара Претер и Евгения Петрова; они предложили изучать практики и общались с людьми в разных районах города, подготовили первые сюжеты о городских медиа. Варвара и Евгения занимались до этого медиа в селах и очень

³ Мы надеемся, что наша история может воодушевить тех, кто, не получив грант, теряет уверенность в своей теме. И тех, кто сомневается, возможно ли сделать большое дело небольшими и порой разрозненными силами.

помогли нам понять разницу между интересом к медиапрактикам и интересом к разнообразию интернета. Евгения Суворина продолжила потом изучать то, как устроено знание об интернете, и переключилась на критический анализ опросов об интернете. Вместе с Марией Денисовой мы открыли тему курсов для пенсионеров по изучению интернета, которая дала много интересного материала для основных сюжетов во всех городах.

В Тюмени с нами была Алевтина Бородулина, антрополог, обнаружившая в своей, не связанной с клубом, экспедиции на остров Итуруп, как могут работать вотсап-чаты, реализующие функции публичных мест. Мы находили неожиданные сюжеты с публичными площадками и в других городах, но эти сюжеты не вошли в книгу. В Тюмени же Ксения Антонова начала интересный сюжет об ассамбляжах и городских инфраструктурах, ей помогала Александра Шарабарова. Маргарита Кирюшина и Милена Рублева изучали местных активистов: самоорганизацию феминисток и сторонников защиты детей от вредного контента. Маргарита потом продолжила изучать активизм в интернете и написала интересный диплом о сайте «Пикабу». А Милена занимается образовательными проектами, связанными с медиаграмотностью. Наталья Спириденкова сумела показать в своей части полевой работы, как устроен интернет-бизнес в городах.

В Казани и Тюмени Сурайя Шилькова работала с темой провайдеров. Эта работа подтолкнула ее к изучению цифрового города как целостного явления, которое она продолжила в магистратуре. Там же с нами был Константин Габов, который очень помог с социологической экспертизой и анализом материалов. С Константином мы продолжили работать над исследованием разнообразия блогеров в разных городах России. В этом исследовании много сюжетов из экспедиций, но есть и наблюдения из онлайн-исследований. Александра Гончарова и Елена Вартумян продолжили заниматься исследованиями медиа, Наталья Сичкарь сделала объемное исследование компьютерных клубов в Казани во всем их разнообразии.

В Арзамасе с нами был Егор Ефремов, вместе с Аней Щетвиной он изучал старый веб во всей его сложности: как объект цифровой материальности и нечто, наделенное смыслом для людей. Екатерина

Гущина была художницей этой экспедиции, благодаря ей у нас получилось иллюстрированное путешествие в блоге об экспедициях на сайте клуба. Дарья Попова делала наблюдения, которые стали частью ее диплома о роли городских форумов как медиа.

В Переславле-Залесском мы устраивали экспедицию вместе с летней школой: там с нами были Елена Гудова и Денис Сивков, с которыми мы читали тексты и анализировали интервью как никогда раньше. Благодаря Елене, мы стали подбираться к истории организаций и до сих пор грустим, что сюжеты о трансформации советских институций 1980-х годов не особенно хорошо изучены: здесь может крыться немало ответов на вопросы о том, как все стало устроено уже в 1990-е. Даяна Лифшиц снимала фильм о наших экспедициях, и мы до сих пор его пересматриваем.

В Лобню мы поехали вместе с Романом Абрамовым и смогли узнать, как работают местные медиа и как живет город, ведь сам Роман оттуда. Кристина Попова провела там невероятно интересные интервью (которые являются одним из ее научных интересов) и помогла увидеть роль пабликов как медиа, позволяющих людям влиять на свой город.

В Томске с нами были Александр Пашенко, который заинтересовался сюжетом о разных философских школах и беседовал с художниками и философами, а также Мария Терк, Вика Бордукова и Ксения Вахрушева, изучавшие медиа и блогеров. С Марией, Викторией и Ксенией мы продолжили изучать микроблогеров, которые пишут для самой молодой аудитории, в разных городах России.

Мы благодарим и всех остальных участников и участниц экспедиций, которые собирали архивные материалы, брали интервью и участвовали в обсуждениях.

Во многих городах мы устраивали обсуждения наших первых наблюдений, чтобы люди, с которыми мы беседовали, и другие горожане смогли сказать: «Да все вы врете!» или рассказать о своем опыте, уточнить что-то. И просто больше узнать о родном городе и его интернете, пусть пока скорее в форме вопросов. Мы признательны площадкам и организаторам, которые дали нам такую возможность: «Смена» в Казани, «Петровский» в Воронеже, ТюмГУ в Тюмени и библиотека ТГУ в Томске.

Конечно, мы очень благодарны Высшей школе экономики за поддержку студенческих экспедиций. И особенно — Сергею Селееву, который помогал организовать все поездки со спокойствием человека, хорошо знающего Россию и жизнь. Полина Колозариди отдельно благодарит сотрудниц бухгалтерии Высшей школы экономики Ларису Пирскую и Наталью Графову, так как ни один отчет она так и не смогла оформить с первого раза, а они терпеливо поправляли ее и помогали советами. И так — год за годом, пока все не было окончательно и точно сделано.

Наконец, когда мы начали писать книгу, нам очень помогли комментарии коллег, которые читали предыдущие версии текстов. Часть главы о методах опубликована в сборнике под редакцией Алины Контаревой, Ольги Звонаревой и Евгении Поповой «Новое время, новое поле». В ней Полина Колозариди и Леонид Юлдашев подробно рассказывают о методике разведывательного исследования, и тот текст в сокращенном и переработанном виде стал частью настоящей книги. Мы благодарим Алину, Евгению и Ольгу за комментарии к нашему тексту и призываем всех прочесть «Новое время...», так как там много и других интереснейших сюжетов при всей новизне полей — основательных.

Когда эта книга была готова, ее прочитали три человека — Светлана Бодрунова, Татьяна Журавская и Александр Фокин. Их подробные критические комментарии позволили нам выдохнуть — все было не зря и книга состоялась. Светлана написала дополнительное введение, которое помогло нам лучше понять книгу и увидеть ее как цельный текст. А потом доделать и отправить в издательство. Мы благодарны Издательскому дому ВШЭ за помощь в подготовке книги к печати.

Из предисловия ясно, что в книгу вошла небольшая часть всего, с чем мы работали в экспедициях. Интернет в городах России разнообразен, хрупок и неподатлив. Его история редко становится предметом научного интереса, она описывается людьми, которые ее создают. Этой книгой мы не стремились дать исчерпывающее описание объектов своего интереса — скорее, начать взаимодействие с ними, которое, мы надеемся, будет продолжаться.

ГЛАВА 1

Интернет-исследования как основа для изучения интернета в городах России

Полина Колозариди, Дмитрий Муравьев, Леонид Юлдашев

В нашем авторском коллективе регулярно ведутся разговоры о том, что такое интернет-исследования и какие сюжеты из этого междисциплинарного направления соотносятся с нашими исследовательскими интересами. Мы решили, что и читателю будет небесполезно узнать об этом. Глава следует духу *internet studies* — мы расскажем о том, как область исследований интернета развивалась и фокусировалась на локальных историях и сюжетах и как они соотносятся с универсальными и глобальными.

Интернет в мире интернет-исследователей

В любой области исследований ведутся дискуссии о предмете изучения. История или социология построены на постоянном пересмотре содержания и подходов к предмету, междисциплинарные направления *urban studies* и медиаисследования тоже переизобретают город и медиа, постоянно о них споря. Так происходит и с интернетом, хотя дискуссий о том, что это такое и каков статус области его изучения, сейчас не особенно много, в основном они велись в начале 2000-х годов⁴.

⁴ Тексты Барри Веллмана [Wellman, 2004], Сони Ливингстон [Livingstone, 2005], Аннетт Маркхэм [Markham, 2005] показывают, как складывается общий концептуальный аппарат и проблемное поле. Статьи на русском языке — Юрия Рыкова и Олега Нагорного [Рыков, Нагорный, 2017], Полины Колозариди [Колозариди, 2018] — фокусируются на картографии и выявлении особенностей области, хотя и без сопоставления с другими похожими исследовательскими областями.

Internet studies стремятся тематизировать интернет как таковой и потому, не являясь дисциплиной, вынуждены постоянно балансировать между интернетом как предметом изучения и как объектом общественного интереса. В этой области исследований принято сочетать подходы из арсенала социальных наук и проблематику, обсуждающуюся в медиа (например, вопросы приватности, слежки за пользователями со стороны интернет-корпораций и др.). В то же время ведутся исследования, в центре которых — изучение конкретных феноменов в интернете.

Ключевая задача интернет-исследований: сосредоточиваясь на конкретных сервисах или практиках, не терять из виду, что интернет — сложно устроенное явление. Как предмет исследования он сочетает два фундаментальных свойства.

Во-первых, сложность: он состоит из элементов. В описании интернета сочетаются, и подчас нелинейно, инфраструктура, взаимодействие людей, контент, дизайн, управление.

Во-вторых, историчность: сервисы, практики и инфраструктуры рассматриваются не сами по себе, а в связи с предшествующими⁵. Это отличает взгляд интернет-исследователя от взгляда социолога или психолога, которые обычно смотрят на интернет-площадку как на место, где происходит какое-то действие, аналогичное или отличающееся от соответствующего офлайн-ового. Более того, когда на интернет смотрят в исторической перспективе, подвижной оказывается и сама граница онлайн/офлайна: нечто, долго бывшее виртуальным, может стать пограничной или вовсе неотличимой от офлайна практикой. Например, общение в чатах и мессенджерах сейчас часто оказывается неанонимным и не требует выхода в интернет как отдельной операции. Нередко оно совершается на ходу, с помощью смартфона, голосом, и разница между перепиской в интернете и звонком или СМС-сообщением минимальна.

⁵ Историчность появляется не сразу — до начала нулевых об интернете почти нет исторических сведений, кроме текстов «отцов-основателей». В начале 2000-х оформляется рефлексия интернет-исследователей по поводу своего предмета (см. сноску 4). К началу 2010-х годов в подходах исследователей появляются отсылки скорее к меняющимся сервисам и интерфейсам, чем к «интернету в целом».

Итак, повторим: мы не помещаем наше исследование, представленное в этой книге, в рамки какой-то отдельной дисциплины, а используем междисциплинарный подход интернет-исследований.

Интернет-исследования как способ изучения интернета

Интернет-исследования — междисциплинарная область, основанная на теориях и методах социальных наук. Это обусловлено особенностями ее формирования: в основном в нем участвовали сотрудники департаментов коммуникативных или медиаисследований, социологи, в меньшей степени психологи и филологи, а также специалисты в области компьютерных и естественных наук. При этом во многих лабораториях Internet Studies есть и биологи, и нейролингвисты. Кроме того, вокруг интернет-исследований существуют поля более мелких субдисциплин вроде историков интернета, исследователей Инстаграма или веб-архивов. Исследование Стива Джонса и Дэвида Парка о том, как появился интернет в качестве предмета изучения в науках о коммуникации, показало, что новых подходов, по крайней мере до 2000-х годов, для него не возникало. Эта тема в ключевых журналах была частью науки о методах (их релевантности объекту, теориям и социальным нуждам), а также изучения интернета как еще одного средства коммуникации. Поле складывалось преимущественно из сотрудников американских университетов и было достаточно централизованным: около 40% статей написаны сотрудниками тех 19 университетов, где больше всего исследователей этой темы [Jones, Park, 2020]. Конечно, не во всех странах исследования интернета складывались из дисциплин, изучающих медиа и коммуникации. Кроме того, нужно учитывать, что в этой междисциплинарной области нет строгого канона, и, по мнению многих участников, это вполне благополучное развитие ситуации [Markham, 2003]. Повестка составляется в первую очередь на конференциях и в журналах, а также в исследовательских центрах, которые занимаются отчасти академическими, а отчасти прикладными исследованиями.

С 2010-х годов, по мнению бывшего директора Оксфордского института интернет-исследований Уильяма Даттона, из-за

общественно-политических событий (например, арабской весны — политических движений 2011 г. в Тунисе, Египте, Сирии и Ливии, во многом мобилизованных с помощью социальных медиа) интернет стал привлекать все большее внимание, оформился как часть исследовательской области вокруг медиа и политики [Даттон, 2013]. В ежегодных темах конференции интернет-исследователей можно заметить и другие сюжеты и направления, возникающие с середины 2010-х годов. Это онлайн-практики, селебрити, язык вражды и ненависти, приватность, сбор данных пользователей, автоматизация труда, алгоритмизация и платформизация жизни общества, социальные сети как место для поиска работы, общения, романтических отношений, цифровизация институций, пересечения с гендерными исследованиями и урбанистикой. Как и в любой развивающейся исследовательской области, такой список не может быть полным, он постоянно видоизменяется. В ходе чтения книги вы заметите, что мы, авторы, работаем внутри ряда этих направлений — с некоторыми соприкасаемся, а другие и вовсе не затрагиваем.

Само поле, таким образом, оказывается не строго ограниченным, а, скорее, похожим на элемент конструктора лего — интернет-исследования производят знание, интегрируя уже существующие методологические и концептуальные наработки из различных областей социальных наук. В концептуальном смысле интернет-исследования не амбициозны. Из наиболее известных идей, появившихся в этом поле, — сетевой индивидуализм Барри Веллмана и Ли Рейни [Rainie, Wellman, 2012] и приватно-публичное свойство интернета⁶.

Исследователи обычно фокусируются на интернете либо как на явлении «большого мира», либо как на самостоятельном явлении, внутри/с помощью которого осуществляется какая-то часть жизни людей или институций. Первый тип исследований — про

⁶ Элис Марвик и ее коллега дана бойд показали, что разные площадки являются одновременно приватными и публичными, воспользовавшись ходами из гофманианской социологии [Marwick, boyd, 2014]. Заметим, что после этого появилась достаточно интересная дискуссия о детерминизме: с бойд спорят антропологи, например Элизабет Коста [Costa, 2018], переключая агентность в определении публичности с интерфейсов на пользователей.

то, как с появлением, распространением, изменениями интернета меняется социальная жизнь в самом широком смысле. Здесь интернет часто воспринимается как нечто внешнее по отношению к изучаемому мнению и становится односоставным или многосоставным объяснением: «интернет поменял или не поменял вот так». Второй — например, исследуется, как люди делают селфи или распространяют информацию в социальных сетях, занимаются искусством или голосуют в онлайн-сервисах. Здесь интернет уже не может быть самостоятельным объяснением, скорее, он является тем фоном социального, внутри или вовне которого исследователю необходимо находить объяснения. Случаи совмещения этих двух подходов сравнительно редки⁷. Можно выделить и третий тип исследований — когда сам интернет проблематизируется и требует объяснения. Под подобной проблематизацией мы имеем в виду выше обозначенные нами его свойства — сложность, историчность, проблематичную материальность. К таким исследованиям можно отнести, к примеру, историю интернета, управления интернетом или работы, исследующие политику конкретных платформ.

Кроме того, интернет-исследователи рефлексивны в отношении методов. На конференции Ассоциации интернет-исследователей (Association of Internet Researchers, AoIR) обсуждаются вопросы этики и политики работы с разными исследовательскими методологиями, например с цифровой этнографией и сетевым анализом. В 2019 г. Ассоциация выпустила уже третью редакцию рекомендаций по принятию решений в этически сложных случаях. Также изучаются возможности прежних методов (например, интервью) с опосредованием интернетом.

Большинство исследований интернета в конкретной стране — то, что нас особенно интересует — традиционно начинаются с описания динамики распространения интернета как внешнего явления: количество подключений, появление ресурсов разного типа, функционирование интернета как части разных организаций (школ, государственных структур, банков, домохозяйств). Мы тоже при-

⁷ Исключения — исследования Пола Димаджо и соавторов [DiMaggio et al., 2001], Ли Рэйни и Барри Веллмана [Rainie, Wellman, 2012].

ведем статистические материалы, хотя по городам в России они разработаны крайне слабо и построены на оппозиции, в которой стабильное соединение и высокая скорость передачи данных — ценностно окрашенные понятия⁸.

Изучение практик и конкретных явлений, связанных с интернетом, может принимать в расчет параметры вроде уровня цензуры или проникновения широкополосных сетей, но это касается в основном сравнительных работ. Когда речь идет об изучении конкретной практики, интернет представляется как универсальное явление. Такое понимание интернета можно было наблюдать, когда, к примеру, во время пандемии коронавируса в 2020 г. начались академические и экспертные дискуссии о статусе повсеместного онлайн-образования. Подобная флуктуация интернета от предельно конкретного до всемирного — один из нервов, который заставляет исследователей переосмысливать язык и находить общие темы на конференциях и в журналах⁹.

Интернет в отдельной стране — что это такое

Интернет — это явление, существующее во всем мире. Но изучается он не только на уровне всеобщих тенденций или индивидуальных/ групповых практик. Исследователей интересует, как устраивается жизнь с интернетом в рамках отдельных локальностей. Масштаб такого анализа может быть разным: от городских сообществ [Nevejan, Badenoch, 2014] до межгосударственных объединений [Norris, 2000]. Уровень анализа часто выбирается исходя из объекта. На уровне стран изучают законодательство, устройство страновой инфраструктуры, включенность интернета в государственные институции,

⁸ Мы встречали это и в экспедициях. Приезжая в город, слышали от его жителей: «У нас хороший интернет». Выяснилось, что имеется в виду хорошее качество связи, высокое распространение интернета в разных институциях, Wi-Fi в городе и т.д. Интересно, что чиновники или провайдеры могли вкладывать в это словосочетание схожий смысл, хотя обычно все же напрямую соотносили оценку со своей деятельностью.

⁹ Это конференции Ассоциации интернет-исследователей (AoIR), журналы *Information, Communication and Society*, *New Media and Society*, *First Monday*.

например образование. Соответственно, теоретические концепты и общие проблемы (например, изменение инфраструктуры или понятия кибербезопасности) соотносятся с доступными данными: это может быть общегосударственная статистика, или результаты опросов, или материалы законов. Также речь может идти не о стране, а о языковой зоне, поскольку не в каждом случае большинство или заметное количество носителей языка проживают в родных странах.

Схематично мы разделим область исследований интернета на уровне страны на несколько основных направлений. Во-первых, это исследования, показывающие интернет как техническое явление: сколько каких устройств подключено, как это менялось на протяжении истории. Во-вторых, это институциональное оформление подключений и управления инфраструктурой: законы, контекст изменения интернета как части других сервисов, например онлайн-покупок или образования. В-третьих, это практики использования интернета, изучение конкретных сервисов и сайтов уже как места и/или инструмента для разнообразных практик.

Первый блок обычно начинается со статистических исследований. Они устроены так: «проникновение интернета» измеряется количественно, происходит диверсификация по населенным пунктам, периодам, когда к интернету подключаются организации и индивиды. Часто такие исследования фокусируются на том, что называется цифровым разрывом или цифровым неравенством: разницей между подключенными и неподключенными. Сравнение происходит в контексте возможных благ, приходящих вместе с подключениями, — доступа к образовательным и информационным ресурсам, появления связности там, где прежде были другие способы коммуникации или не было никаких вовсе. Кроме того, исследователи фиксируют, как менялось понимание этих благ в конкретной стране¹⁰. Наконец, часть статистических исследований обращается к тому, как соотносится интернет и близкие по функциональности явления, например медиасреда.

¹⁰ Заметим, что некоторыми исследователями высказываются критические замечания в адрес понятия «цифровой разрыв», чтобы далее кратко заявить о цифровой инклюзии и цифровой невовлеченности (digital disengagement) [Кунцман и др., 2018].

Вторая часть исследований посвящена конкретным организациям в конкретной стране. Это университеты, больницы, государственные учреждения, банки, СМИ. Речь идет об определенных функциях, например о сравнении образовательных траекторий у тех, кто использует интернет, об определенных онлайн-сервисах. Важно, что интернет в таких исследованиях обычно рассматривается как инфраструктура и/или технология, и в теоретическом смысле обращение к нему скорее наследует обращению к другим подобным явлениям. Соответственно, исследователи либо выделяют одно или несколько связанных свойств (например, интернет как технология в Почте России или образовании), либо предлагают обобщения, в которых интернет предстает инновацией, чем-то принципиально новым, но связанным с местами своего производства.

Наконец, третий блок, самый крупный, — практики использования интернета¹¹. Они могут быть разными — от троллинга в Твиттере до просмотра кино на сервисах онлайн-кинотеатров. Часть практик фиксируется с помощью количественных метрик, другие — при участии антропологических или социологических наблюдений. В этих исследованиях интернет часто теряет универсальные свойства и оказывается частью локальных репертуаров действий, которые существуют помимо или вне его.

Практики в интернете — это и создание, и поддержание, и действия пользователей, и работа с архивами. Так, к ним могут относиться организация онлайн-платформ для активистов, работа алгоритмов на порносайтах и культурное разнообразие циркуляции мемов в мессенджерах. Однако в исследованиях регулярно повторяются темы, касающиеся социальных связей, взаимодействий в онлайн (часто в сравнении с офлайном), распространения информации, явлений, которые стали обретать новые формы или возникли в онлайн-среде (например, практики на сайтах знакомств или при

¹¹ Понятие практик в данном случае используется в расширительной трактовке — как разнообразные действия, чаще и скорее не отдельные, а связанные или с коллективом пользователей, или с каким-то видом деятельности. Широкая рамка позволяет отнести к этому блоку также исследования модераторов и создателей веб-ресурсов, организаторов онлайн-курсов, отношения ботов и изучение способов передачи новостей.

ведении публичных дневников). Параллельно этому движению к изучению нового, интернет-специфичного есть и исследования преемственности: теорий, объяснительных моделей, культурных особенностей.

В рамках исследовательской инициативы, материалы и результаты которой мы представляем в этой книге, нам нужно было иметь в виду сразу несколько подходов. В частности, мы рассматривали устройство интернета как инфраструктуры и технологии. Это было в первую очередь важно на подготовительном этапе — при выборе города. Затем мы обращались к более сфокусированным исследованиям того, как именно проводили интернет в конкретном городе. Далее, от изучения интернета в связи с другими инфраструктурами и технологиями мы обращаемся к онлайн-медиа, к тому, чем они отличаются от офлайн-СМИ, как устроены на разных платформах. Кроме того, отдельная часть исследования посвящена управлению/регулированию интернета в разных городах и на уровне страны. Наконец, практики и артефакты описаны в главе про веб: там есть и истории создания и поддержания онлайн-ресурсов, и описание того, что люди с ними делают. Отчасти этой темы мы касаемся в главе об истории инфраструктур, так как их появление и изменение связано в том числе с практиками.

Далее, чтобы лучше понять, как велось наше исследование, почему и с какими темами и подходами оно соотносилось, мы расскажем о том, какие подходы используются и не используются по отношению к интернету в России.

Интернет в России — что это такое

Разные источники называют разные цифры, фиксирующие количество пользователей интернета в России. Некоторые имеют в виду статистику, доступную по счетчикам на устройствах (например, Mediascope WEB-Index), другие — по социологическим анкетным опросам (фонд «Общественное мнение»). Кроме того, не всегда очевидно, что именно считается в последние годы «использованием интернета». Часто пользователи, у которых есть смартфон с постоянным онлайн-подключением, даже не думают о том, что

они пользуются интернетом, когда заказывают еду из магазина или отправляют сообщения в мессенджере.

Тем не менее в 2020 г., по данным ВЦИОМа, пользовались интернетом около 80% россиян, что составляет 110+ млн человек. Это в основном пользователи мобильных телефонов, их более 60%. Рост количества подключений шел плавно до рубежа нулевых и десятых годов, а затем резко увеличился — с 30+ до 60+%. Изменился и способ подключения: с каждым годом росло количество подключений дома или с личного устройства.

Цифры об интернете и интернет в цифрах в России

Производством количественных данных об интернете в России занимаются разные акторы — это и государство, и большие интернет-компании, и провайдеры, и опросные фабрики, и операторы сотовой связи. Когда дело доходит до распространения этих данных, включаются аналитические агентства и мозговые центры (think tanks), как коммерческие, так и некоммерческие, университеты, медиа и сами пользователи. И хотя чтобы понять, как структурирован ландшафт производства, распространения и обращения к количественным данным об интернете в России, требуется отдельное исследование, здесь мы попробуем кратко описать, как может выглядеть подход к анализу этого поля.

Количественные исследования интернета, создаваемые вне академического сообщества в России, могут содержать уникальные, прежде непубличные данные, а также агрегировать информацию из разных источников. И здесь важно, что не всякий сбор данных сопровождается исследованием, если понимать последнее как систематизацию и анализ. Более того, вероятно, что многие количественные исследования об интернете в России не раскрываются, а создаются для ограниченного использования. В этой врезке мы будем опираться лишь на публичные данные и исследования.

В качестве примера исследования, имеющего как уникальные, так и агрегированные из разных источников данные, можно назвать количественное исследование об интернете в России, сделанное компанией «Яндекс» в 2016 г. Оно построено на разнообразных источниках — это данные Яндекс.Метрики и Яндекс.Браузера, отчеты фонда «Общественное мнение» и исследовательской группы TNS. Согласно результатам этого исследования, к примеру, «на конец 2015 г. в России как минимум 83 млн человек старше 12 лет каждый месяц пользовались интерне-

том». Многосоставность и эклектичность данных, использованных в этом исследовании, демонстрирует, какими различными способами может записываться количественная информация об интернете, как сравниваются и сопоставляются разные отчеты и какие акторы задействованы в их производстве. Это также показывает, что цифры получаются в результате создания интернет-инфраструктур (данные о проникновении интернета), использования принадлежащих коммерческим интернет-компаниям программного обеспечения и аналитических инструментов (Яндекс.Метрики и Яндекс.Браузер), а также деятельности опросных фабрик и пользовательских действий.

Количественную аналитику интернета в России также делает компания Mediascope. У них есть ежемесячно обновляемый проект WEB-Index для измерения российской интернет-аудитории. В исследовании представлен срез пользовательской активности по сайтам, а также разбивка пользователей по социально-демографическим характеристикам. Часть данных собирается Mediascope с помощью автоматической регистрации посещенных ресурсов через счетчики на сайтах и программное обеспечение на пользовательских устройствах, часть — через собственное установочное исследование компании.

Государство в России тоже является актором, производящим количественные данные об интернете в России. К примеру, Росстат выпускает сборники «Информационное общество в России», где используются их собственные данные, а также те, что предоставлены Минцифры России, Минкультуры России, Минобрнауки России, Минпросвещения России, Евростатом. Эти издания содержат собранную по разным вопросам статистику: о влиянии интернета на жизнь людей, об использовании государственных услуг, о целях использования интернета людьми и организациями и многое другое.

Помимо описанных здесь типов, существуют также и количественные исследования интернета в России, посвященные пользовательскому медиапотреблению или онлайн-коммерции. Даже представленный здесь краткий срез возможных количественных исследований об интернете позволяет сказать, что в каждом отдельном типе мы говорим о нескольких разных вещах: в одних случаях записывается количественная информация об интернете как об инфраструктуре, в других — как о медиа, в третьих — как об отдельном пространстве, где пользователи проводят столько-то минут в день на определенных сайтах.

В формировании количественных данных об интернете участвуют и опросные фабрики. Таким исследованием мы занимались в клубе любителей интернета и общества в 2018 г. Полина Колозариди и Евгения Суворина работали с формулировками анкетных вопросов с 1999 по 2017 г., выясняли, как устроено само понятие «интернет» в тексте

опросов и какова тематика вопросов. Из этого исследования можно сделать два главных вывода. Во-первых, на протяжении всего временного периода определение интернета менялось: из неопределенного явления и технологии интернет постепенно стал средством связи, СМИ, объектом пользования и регулирования. Интернет не является чем-то одинаковым в разных опросах, и это важно, поскольку работу опросов можно понимать не столько как нечто, отражающее общественное мнение и предмет вопроса, но и как фактор, их активно формирующий [Юдин, 2020, с. 9]. Во-вторых, содержание вопросов также менялось: от осведомленности, отношения и владения интернетом как технологией к практикам и доверии к интернету как источнику информации. И только затем начали появляться вопросы об интернете как объекте регулирования. Таким образом, опросы вокруг интернета не только сильно различаются между собой, но и задают разный интернет. Последний то распадается (когда речь идет о практиках), то собирается (когда тематизируется как объект регулирования).

Исследователи могут по-разному относиться к этим данным. Кто-то делает акцент на их эпистемологических ограничениях, указывая на неспособность ухватить глубину и разнообразие пользовательских практик и смыслов, процессов создания и поддержания интернет-инфраструктур, истории развития коммерческих компаний и их попыток понять, что же такое интернет. Такой исследователь с большой вероятностью лишь кратко обратится к этим цифрам, но в целом они останутся вне фокуса его исследований. Другой может обратиться к ним как к основному источнику данных для своей работы и, к примеру, выдвинуть и проверить гипотезу о том, существует ли статистически значимая взаимосвязь между распространением интернета в российских регионах и их экономическим развитием.

В общем, с цифрами об интернете и с интернетом в цифрах можно работать по-разному. Здесь же нам хотелось бы предложить заинтересовавшемуся читателю другой путь и посмотреть на количественные данные об интернете в России с точки зрения социологии квантификации. Квантификация в самом общем смысле означает трансформацию феномена в количественно измеряемую информацию. Социологи, работающие в рамках этого поля, пытаются понять, как и зачем люди создают количественные данные и как обращаются к ним в разных сферах своей жизни (в качестве стартовой точки для чтения мы рекомендуем обзор литературы по социологии квантификации [Mennicken, Espeland, 2019]). В контексте количественных данных об интернете в России, как нам представляется, остаются следующие слепые пятна, к которым не обращаются существующие исследования и которые представляют немалый интерес для социологических разработок.

- Как выглядит набор акторов, вовлеченных в производство количественных данных об интернете в России, и каковы отношения между ними?
- Какие представления об интернете существуют внутри институций, занятых производством количественных данных?
- Почему одни количественные данные об интернете в России становятся публичными, а другие нет?
- Как устроена инфраструктура, стоящая за поддержанием необходимого для квантификации процесса стандартизации?
- Как формулируются те категории, которые становятся основой для количественного анализа?
- Как количественные данные об интернете в России используются разными социальными группами — политиками, чиновниками, журналистами и исследователями?

Мы надеемся, что эти и другие вопросы вдохновят кого-то исследовать, какую социальную жизнь проживают цифры об интернете и сам интернет в цифрах в России.

Перейдем от статистических исследований к концептуальным и/или аналитическим подходам. Об интернете в России как об отдельном явлении достаточно много писали люди, которые участвовали в создании крупных медиаресурсов, поэтических и литературных проектов. Во многом на основе их работ сложилось представление о рунете как особенной общности русскоязычных пользователей¹². Обзор рунета 1990-х и начала нулевых годов дает Сергей Кузнецов в книге «Ощупывая слона» (2004). Кузнецов описывает творческие практики, писательские, художественные эксперименты с новыми жанрами, создание сайтов и главное — особенности стиля онлайн-текстов.

Первый крупный сборник исследовательских статей о рунете — «Ctrl+Shift», изданный в 2004 г. немецкими и российскими учеными [К. Тойнбинер и др., 2004], — также во многом сфокусирован на том, как устроены практики работы с текстами и культурного взаимодействия.

Далее под рунетом будет пониматься сразу несколько явлений — это и языковая зона, и предмет регулирования российского правительства, и публичное пространство, которое действует

¹² См., например, тексты Евгения Горного [Горный, 2000].

в русскоязычном сегменте. Ни одно из этих определений не является полным: в России есть веб-сайты не только на русском языке (см., например, исследования Бориса Орехова и Кирилла Решетникова [Орехов, Решетников, 2016]). Регулирование проходит скорее в отношении отдельных составляющих интернета — технологической, сервисной или публично-медийной. Рунетом в публичном дискурсе также называют и вышеназванные явления, а также IT-бизнес (см., например, деятельность РАЭК/Рочит или исследования экономики рунета¹³).

Чтобы решить эту проблему, Григорий Асмолов и Полина Колозариди написали две статьи. Сначала о том, как менялись группы, действующие с интернетом в России: от айтишников к журналистам, затем активистам и, наконец, к ним присоединились государственные органы власти [Asmolov, Kolozaridi, 2017; 2021]. Во второй статье авторы представляют рунет как явление, которое одновременно и последовательно движется как объект исследования по нескольким векторам — технологическому, медийному, государственному, активистскому и пользовательскому. Как явление рунет меняется так же, как и интернет, но при этом понятие не равно всему интернету в России. В книге мы покажем, что понятие «рунет» не всегда ассоциируется у деятелей на уровне городов с тем, что представляет собой интернет во всей стране.

Фрагментарный интернет как явление и проблема

Сейчас слово «рунет» используется как остенсивное, простое указательное определение: так обозначают всю совокупность сайтов на русском языке или в доменной зоне.ru. Однако в девяностых и в нулевых годах у слова был собственный смысл — рунетом называли совокупность персон и веб-проектов. Если мы обратимся к географическому расположению заметных персоналий и сайтов рунета, список получится такой: Москва, Санкт-Петербург, Тарту, эмигранты в США и Израиле, Екатеринбург, Новосибирск и еще

¹³ РАЭК — <<https://raec.ru/>>; РОЦИТ — <<https://rocit.ru/>>; ежегодные аналитические отчеты «Экономика рунета» — <<https://raec.ru/activity/analytics/9884/>>.

несколько крупных городов [Поляк и др., 1998]. В состав рунета не входили веб-проекты из Сыктывкара, Уфы или Челябинска — хотя уже в середине 1990-х все областные центры были подключены к интернету. Значит, рунет — это только часть российского интернета. Где недостающие сайты?

Мы обнаружили их во время разведывательного этапа исследовательской инициативы, состоящего из семи экспедиций в города России. Это другие «-неты», существовавшие одновременно с рунетом — во второй половине 1990-х и в нулевые годы.

Можно разделить их на три группы сообразно тому, какая идея была конституирующей для каждого «-нета». Первая группа — идея языка и/или национальности. Сюда входят татнет, башнет, удмнет, якнет и др. Для этих «-нетов» была существенна связь между национальной идентичностью, этнокультурным комплексом, владением языком и происходящим в интернете. Так, создатели сайтов, входящих в татнет, называли свой сегмент интернета «интернетом для татар» и/или «интернетом на татарском языке» [Сибгатуллин, 2009]. Вторая группа — городские (новонет в Новосибирске, краснет в Красноярске и др.). В центре таких «-нетов» была идея интернета в конкретном городе [Горный, 1999]. Третья — с инфраструктурным основанием (например, тонет в Томске, «Нижегородское кольцо», екатеринбургская городская сеть и проч.). Для последней группы общим признаком будет собственная политика маршрутизации трафика. Это определенного рода техническое соглашение между провайдерами.

Нечто более определенное можно утверждать о связи «-нета» и города как масштаба в истории интернета. Городские и инфраструктурные «-неты» расположены в конкретных городах. В первом случае на это указывает само название «-нета». Во втором — из-за особенностей истории интернета в России, речь о которых пойдет в соответствующей главе, инфраструктура интернета формировалась по-разному в разных городах. Фактически в каждом населенном пункте существовали особенные технологические решения и уникальный набор отношений провайдеров и государственных органов, которые определили разнообразие получившихся инфраструктур. Об этом же мы читаем у одного из наиболее заметных

исследователей в области infrastructure studies Томаса П. Хьюза: границы инфраструктуры обычно совпадают с административными [Hughes et al., 1987]. Что же касается языковых «-нетов» — они в меньшей степени связаны с городом и, как и ранний рунет, были транслокальными. Однако в отдельных случаях и по косвенным данным мы можем понять, что даже такие «-неты» имели связь с городом. Татнет ни формально, ни технически не располагался в Татарстане. Но если посмотреть на географию сайтов, которые участвовали в конкурсе «Звезды Татнета» — главным смотре сайтов, входящих в татнет, — мы увидим, что чуть больше 90% из них находятся в Татарстане [Сибгатуллин, 2009].

В этой книге мы расскажем об истории одного «-нета», томского (глава об истории инфраструктуры), и о подходах, помогающих в изучении интернета в конкретном городе (главы об истории инфраструктуры и об истории веба).

От глобальной сети к городским исследованиям

Итак, изучение интернета может происходить на разных уровнях разного масштаба. Область, которая занимается интернетом как основным объектом, не предлагает готового инструмента масштабирования и определения того, какая часть интернета является необходимой для изучения. Наоборот, в качестве не дисциплины, но исследовательской области она слабо институционализована, лишена теоретического ядра и продолжает меняться. В изучении интернета участвуют историки, исследователи инфраструктур, филологи, лингвисты, архивисты, биологи, STS-исследователи, политологи и т.д. Наша неоднородная исследовательская группа также сложилась из разных участников, и в главе о методологии мы расскажем подробнее, как именно смогли найти общие основания для действий.

Имея в виду дробность и комплексность интернета как объекта исследования, мы смогли разделить его на концептуальном уровне на несколько составляющих и не проблематизировать соседство теорий в одной книге. Но это соседство мы старались сделать неслучайным в отношении самого понимания интернета. Мы трактуем его не как нечто радикально новое и влияющее на предмет

интереса дисциплины в определенном ключе — например, трансформирующее политику, медиа или город. Но рассматриваем как многомерное явление с историей и связанными между собой элементами. Поэтому история веба может соотноситься с тем, как устроена инфраструктура, а регулирование и гиперлокальные медиа — влиять друг на друга. Однако важно, что это соотношение не определено раз и навсегда, а исходит из конкретной исследовательской оптики: как мы уже отметили, в интернет-исследованиях возможных оптик достаточно много. Иногда мы как исследователи фиксируем именно влияние, иногда отмечаем интеграцию, связь, но ее характер — предмет более подробного изучения. И уровень города представляется здесь эвристически продуктивным: на нем присутствуют все элементы и возможно применять разнообразные подходы. Но мы не работаем только с уровнем города, так как для понимания происходящего там необходимо иметь в виду и другие масштабы — и глобальных программ, и национальных политик.

Так, нам стоит иметь в виду уровень государственной и национальной политики, если говорить о законодательных инициативах, общей истории, программах вроде цифровизации университетов и появления госуслуг. При этом количественные исследования во многом описывают ситуацию масштабно, но не дают понимания того, что именно происходит на уровне разных населенных пунктов, как в долгосрочной перспективе устроены отношения между акторами. Интеллектуальное напряжение в нашем исследовании задано не в последнюю очередь несовпадениями и нелинейностью глобального и локального в истории и в современности интернета — к источникам этого напряжения мы будем периодически отсылать в разных главах книги.

И все же материалы экспедиций — это еще не окончательно уложенное в рамки научных направлений знание, а, скорее, первичная работа. Концептуальная рамка каждой главы остается гибкой — и чтобы соотноситься с соседними главами, и чтобы стать основой для будущих вопросов.

Библиография

- Горный Е. Летопись русского интернета: 1990–1999 // Русский журнал. 2000. Т. 3.
- Колозариди П.В. Интернет-исследования: исторический обзор и анализ производства знания // Социология власти. 2018. Т. 30. № 3.
- Кузнецов С. Ощупывая слона. Заметки по истории русского Интернета. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
- Куницман А. и др. Отказ и ограничение использования интернета в среде российских IT-специалистов // Социология власти. 2018. Т. 30. № 3. С. 144–164.
- Орехов Б., Решетников К. Государственные языки России в Википедии. К вопросу о сетевой активности миноритарных языковых сообществ // Настройка языка: управление коммуникациями на постсоветском пространстве. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 261–279.
- Поляк Ю.Е. и др. Желтые страницы Internet'98. 1998.
- Рыков Ю., Нагорный О. Область интернет-исследований в социальных науках // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3.
- Сибгатуллин А. Татарский интернет. Медина, 2009.
- Тойнбинер К. и др. Control + Shift. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
- Юдин Г.Б. Общественное мнение или власть цифр. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020.
- Asmolv G., Kolozaridi P. The imaginaries of RuNet: The change of the elites and the construction of online space // Russian Politics. 2017. Vol. 2. No. 1. P. 54–79.
- Asmolv G., Kolozaridi P. Run Runet runaway: The transformation of the Russian Internet as a cultural-historical object // The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies. Palgrave Macmillan, Cham, 2021. P. 277–296.
- Costa E. Affordances-in-practice: An ethnographic critique of social media logic and context collapse // New Media and Society. 2018. Vol. 20. No. 10. P. 3641–3656.
- DiMaggio P. et al. Social implications of the Internet // Annual review of sociology. 2001. Vol. 27. No. 1. P. 307–336.
- Gillespie T., Boczkowski P. J., Foot K. A. (eds). Media technologies: Essays on communication, materiality, and society. MIT Press, 2014.
- Hughes T.P. et al. The evolution of large technological systems // The social construction of technological systems: New directions in the sociology and history of technology. 1987. Vol. 82.
- Jones S., Park D.W. The field of communication's uptake of computers, networks, and the Internet: 1970–2000 // Internet Histories. 2020. Vol. 4. No. 4. P. 355–372.

Livingstone S. Critical debates in Internet studies: Reflections on an emerging field // J. Curran, M. Gurevitch (eds). *Mass Media and Society*. 5th ed. London: SAGE, 2005. P. 9–28.

Markham A.N. *Life online: Researching real experience in virtual space*. Rowman Altamira, 1998.

Markham A.N. Metaphors reflecting and shaping the reality of the Internet: Tool, place, way of being. Unpublished manuscript presented at the 4th annual conference of the International Association of Internet Researchers (AoIR), Toronto, Canada, 2003.

Markham A.N. Disciplining the future: A critical organizational analysis of Internet studies // *The Information Society*. 2005. Vol. 21. No. 4. P. 257–267.

Marwick A.E., Boyd d. Networked privacy: How teenagers negotiate context in social media // *New Media and Society*. 2014. Vol. 16. No. 7. P. 1051–1067.

Mennicken A., Espeland W.N. What's new with numbers? Sociological approaches to the study of quantification // *Annual Review of Sociology*. 2019. Vol. 45. P. 223–245.

Nevejan C., Badenoch A. How Amsterdam invented the Internet: European networks of significance, 1980–1995 // *Hacking Europe*. London: Springer, 2014. P. 189–217.

Norris P. The Internet in Europe: A new north-south divide? // *Harvard International Journal of Press/Politics*. 2000. Vol. 5. No. 1. P. 1–12.

Rainie L., Wellman B. *Networked: The new social operating system*. Cambridge, MA: MIT Press, 2012. Vol. 10.

Wellman B. The three ages of Internet studies: ten, five and zero years ago // *New media and society*. 2004. Vol. 6. No. 1. P. 123–129.

Internet and Sities of Russia: collective monogr. / ed. by Polina Kolozaridi, Olga Dovbysh; HSE University. — Moscow: HSE Publishing House, 2024. — 600 экз. — 200 pp. — ISBN 978-5-7598-2669-9 (pbk.). — ISBN 978-5-7598-4044-2 (e-book).

Aiming at critical understanding of the internet as both technology and sociocultural space, this book tells the story of the internet development in Russia's cities. Through research expeditions to several large and small cities, the authors explore the significance of internet for local culture, business, governance as well as analyse changes in local media in the digital environment and the role of internet in maintaining local history and identity. Also, the book presents a method of qualitative field study of the multi-component phenomenon of the local internet and proposes methodological approaches and techniques that can be used in the future research.

The book will be of interest to both researchers and students, as well as to a wider audience interested in the problems of digitisation and internetisation of life and the changes associated with these processes.

Научное издание

Ольга Довбыш, Александра Кейдия, Полина Колозариди,
Дмитрий Муравьев, Аня Щетвина, Леонид Юлдашев

ИНТЕРНЕТ И ГОРОДА РОССИИ

Зав. книжной редакцией Елена Бережнова

Редактор Татьяна Коршунова

Художник Валерий Коршунов

Компьютерная верстка Анна Бородина

Корректор Ольга Ростковская

На обложке — рисунок Валерия Коршунова

Все новости издательства — <http://id.hse.ru>

По вопросам закупки книг обращайтесь в отдел реализации

Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15295, 15296, 15297

bookmarket@hse.ru

Подписано в печать 21.12.2023.

Формат 60×88/16.

Усл. печ. л. 12,1. Уч.-изд. л. 9,8.

Тираж 600 экз. Изд. № 2642. Заказ №

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»

428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13

Тел.: +7 8352 56-00-23